

Чэнь Шучжи вышел из Академии Ханьлинь при ярком солнце, но к тому времени, как он добрался до улицы, где располагалось Подворье Юнчжоу, на небе уже сгустились тучи.

Напротив, в официальном подворье по-прежнему царило оживление. Остановившись, чтобы осмотреться, он был замечен одним из служащих Подворья Юнчжоу. Тот подошел и приветствовал его:

— Господин Чэнь, давно вас не видели! У хозяйки есть для вас письмо!

Чэнь Шучжи поспешно последовал за ним внутрь. Хозяйка, стоящая за стойкой, увидев его, тут же достала из ящика письмо и, передавая его, сказала:

— Ваши родные не знают, куда вы переехали, поэтому письма приходят сюда. Оставьте адрес, чтобы в следующий раз мы могли отправить их вам.

Чэнь Шучжи с улыбкой согласился, затем опустил взгляд на письмо в руках — оно было от отца.

Он отправлял домой множество писем, но это было первое, на которое получил ответ. С любопытством он развернул бумагу.

В этот момент с неба упало несколько капель дождя. Скоро он усилился и превратился в ливень.

Хотя его родной уезд Хуайюань в области Пинлян провинции Юнчжоу находился не так близко к границе с Дапин и Царством Чадо, вторгшиеся чадосцы все же добрались до него. Весь деревенский народ покинул свои дома, пешком пробираясь через горы, пытаясь добраться до следующего населенного пункта до прихода чадосцев.

В горах было полно сухих веток и диких лиан, многие получили ранения в бегстве, их шаги замедлялись, и они отставали. Сестра Чэнь Шучжи, Чэнь Сянь, знала медицину, поэтому она намеренно отстала от отца, вызвавшись лечить раненых, и постепенно отстала вместе с ними.

Большинство из тех, кого вылечила Чэнь Сянь, смогли догнать других и в итоге бежали в соседний уезд. Но сама Чэнь Сянь и несколько еще не полностью выздоровевших пациентов попали в руки чадосцев. После отступления армии Чадо ее отец несколько раз возвращался по тому же пути, но так и не смог найти ее тела.

Ливень снаружи словно обрушился на него, мгновенно охладив его тело и душу.

В письме говорилось еще о многом: о трудностях жизни после вторжения чадосцев, о том, что Чжоу Чжоутун, после того как разорвал помолвку, продолжал беспокоить...

Дальше он не мог читать, в его голове была только яркая улыбка Чэнь Сянь.

— Господин Чэнь! Что случилось? Что написано в письме?..

— Ничего... Я... пойду домой.

Он не помнил, как добрался домой, только то, что, войдя внутрь, был полностью промокшим.

Воспоминания о Чэнь Сянь всплывали перед его глазами, он словно обезумел, перерывая все ящики и шкафы в доме, вытаскивая все, что сделала Чэнь Сянь, затем, обняв их, выбежал на террасу, где плакал в одиночестве под звездами и луной.

С горечью перечитывая письмо отца снова и снова, он вдруг не мог понять: если Чэнь Сянь погибла от рук чадосцев, то почему никто не нашел ее останков?

Может, она все еще скрывается в горах, боясь выйти? Может, она ушла в другое место и не смогла связаться с отцом? Отец всегда был равнодушен к этой дочери, может, он просто немного поискал, не нашел и сдался?

Чем больше он думал, тем больше паниковал, тем больше не мог усидеть на месте. В какой-то момент он резко встал, пошатываясь, спустился вниз, схватил мокрые волосы, даже не успел переодеться или собрать вещи, открыл дверь и бросился в дождь.

*

В ту ночь ливня в главном зале Дворца Вэйян шли жаркие споры:

— Беженцы — тоже подданные Дапин, их нужно успокоить, как можно направлять против них оружие?

— Успокоение утихомирит народное недовольство? Во всех уездах области Пинлянь есть гарнизоны, любой, кто посмеет восстать, будет немедленно подавлен.

— Все это лишь временные меры, им не хватает еды, поэтому нужно отправить продовольствие из столицы...

— Продовольствие из столицы будет идти десять-пятнадцать дней, к тому времени, как оно прибудет, города уже будут захвачены беженцами!

После того как большие территории Юнчжоу были захвачены, беженцы устремились на восток, переполняя города, где не хватало ни еды, ни жилья. Это вызвало недовольство среди народа, начались беспорядки.

Хотя ситуация была не критичной, она требовала срочного решения, поэтому все собрались для ночного обсуждения. Два министра сидели по бокам, наблюдая, как чиновники из Министерства финансов и Военного министерства спорят до хрипоты. Лян Хуань, сидя на главном месте, подпирал подбородок рукой, хмурясь и чувствуя головную боль.

В разгар раздражения он увидел, как Лу Инь вошел в зал, и подозвал его к себе. Лу Инь подошел к нему и передал доклад, тихо сказав:

— То, что вы просили проверить в Юнчжоу...

Лян Хуань развернул бумагу, прочитал несколько строк, и его лицо сразу же стало холодным. Он хлопнул докладом по столу, и все сразу замолчали.

— Продолжайте обсуждать, я уйду ненадолго, позже вернусь посмотреть на ваши предложения.

Чиновники с удивлением смотрели на него. Это была середина ночи, шел дождь, куда он собрался?

*

Дождь был слишком сильным, поэтому Лян Хуань решил ехать на повозке.

Раньше он несколько раз слышал от него о сестре, хотя и не часто, но, похоже, они были очень близки. У Лян Хуаня не было подобного опыта, он не мог до конца понять такие чувства, но считал, что в такой ситуации тот, несомненно, очень страдает.

Если он страдает, то Лян Хуань должен быть рядом, независимо от того, хочет ли тот его присутствия. Ничто другое не могло его остановить.

Лян Хуань откинул занавеску и посмотрел наружу. Повозка выехала из города, проезжая через затопленные поля, двигаясь по сельской дороге. Вдруг он заметил вдали человека, едущего верхом на лошади, и подумал, что в такой дождь есть и другие, кто торопится.

Подъехав к знакомому дому, Лян Хуань, держа зонт, постучал в дверь, но ответа не последовало. Он обошел дом вокруг, но ни в одном окне не горел свет.

Куда он мог уйти в такое время?

Тут он вспомнил о всаднике, которого видел ранее. Неужели...

Его сердце сжалось, он тут же бросил зонт, вернулся к повозке, отвязал одну из лошадей и сел на нее.

Он мчался под ливнем, следуя по дороге, по которой ехал тот всадник, и понял, что тот направлялся на запад, в сторону Юнчжоу. Подумав об этом, он все больше убеждался, что ищет именно того человека, и резко хлестнул лошадь плетью.

С одной стороны были поля, с другой — крутые горы. Лян Хуань почувствовал, что это место ему знакомо, но не мог вспомнить, когда он здесь бывал.

Промчавшись некоторое время, он наконец догнал впереди идущую лошадь и увидел человека, который почти обмяк в седле. Лян Хуань не успел ничего сказать, как лошадь, испугавшись топота копыт сзади, внезапно заржала и встала на дыбы.

Это движение не было слишком резким, но человек в седле держал поводья слишком слабо, и его легко сбросило на землю.

Внезапная боль еще больше обессилила Чэнь Шучжи. Он не ел с вечера, хотел снова сесть на лошадь, но не мог пошевелить руками и ногами.

Он остался лежать под дождем, мокрые волосы прилипли ко лбу и щекам, промокшая одежда не скрывала очертаний его тела, а его поза была крайне неловкой.

Среди шума дождя он слышал, как к нему приближаются копыта, остановились рядом, затем кто-то слез с лошади, создавая брызги. Потом перед ним появились ноги.

У него не было сил поднять голову, и он, не заботясь о том, услышит ли его тот человек, пробормотал:

— Я в порядке... Не беспокойтесь...

— Синли, это я.

Услышав свое имя, он поднял голову и увидел человека, который был так же мокр, как и он, с лицом, полным беспокойства. Его мысли были замедленными, он не мог вспомнить, кто это.

— Куда ты направляешься? — с заботой спросил тот.

Почему-то Чэнь Шучжи не чувствовал перед ним защиты, и на вопрос ответил:

— В Юнчжоу... искать Сяньэр.

— Ты в таком состоянии доберешься до Юнчжоу?! Ты даже не выберешься за пределы пригорода! — казалось, тот был очень зол, подошел ближе, обнял его и попытался поднять. — Пойдем, сначала вернемся домой.

Чэнь Шучжи, несмотря на отсутствие сил, все же попытался вырваться:

— Я не вернусь, я поеду в Юнчжоу, отец сказал, что Сяньэр умерла, но тела нет, я не верю, я должен найти ее...

Тот крепко сжал его руки, прижал к себе:

— Где ты будешь искать? В горах или в пустыне? Как ты выйдешь за границу? Что, если начнется бой на полпути? Ты всегда думаешь о других, но никогда о себе?!

Чэнь Шучжи не слышал его слов, только повторял:

— Я поеду... не останавливайте меня...

Дождь заполнил тишину между их голосами. Через некоторое время он вдруг оказался в объятиях, тот крепко обнял его.

Автор хотел бы сказать: С праздником Первого мая!

<http://bllate.org/book/16213/1455940>